

И.А. Бирич

Педагогический потенциал текстов Аристотеля

Всегда трудно от высокой теории, тем более «метафизики», то есть философии, выходящей за рамки природы к универсальным первоначалам бытия, опускаться в долину, где живут и взаимодействуют конкретные люди. Если законы Космоса, согласно античной традиции, пронизаны Красотой и Разумом, то этого нельзя сказать о мире человеческом. Однако для философов Древней Греции этот факт не был пугающим. Наоборот, они были убеждены, что, познав всеобщие законы бытия, люди с радостью обратятся к их исполнению и обретут искомое счастье. Таков и Аристотель — постараемся понять истоки его оптимизма.

Ключевые слова: философия как истинное знание жизни; философ как учитель; цель жизни — общее Благо; энтелехия; природа души и ума.

Последние изыскания творчества Аристотеля показали, что философ писал свои труды параллельно трудам своего учителя Платона, поднимая в них ту же проблематику. Так, его «Метафизика» как бы отвечала лекциям Платона, посвященным идее Блага, а диалоги Платона «Филеб», «О поэтах», «Гомеровские вопросы», трактат «Законы» заставили Аристотеля написать несколько вариантов «Поэтики», «Риторики», «Большой этики». Полемика в Академии Платона по вопросу об абсолютном мире идей обратила взор Аристотеля к космологии, к миру природы. В годы странствий он продолжает изучать и описывать различные формы живой материи (растения, животных, человека), пишет трактат «О душе». Во второй Афинский период Аристотель систематизирует всё им написанное и разделяет философию на три раздела: теоретическую (умозрительную), цель которой — знание ради знания; практическую, цель которой — знание ради деятельности, и поэтическую (творческую), цель которой — знание ради искусства. Теоретические науки обладают ценностным приоритетом над практическими и поэтическими.

Духовный наставник, или учитель, по Аристотелю, — это всегда знаток всеобщих причин бытия, то есть философ. Чему же может научить такой учитель? Искусству жить по законам бытия! Если философия — это по-гречески «любовь к мудрости», то давая целых пять убедительных и на сегодня признаков мудрости (целостное знание о жизни; способность познать трудное; способность выявлять причины и научить этому других; наука, движимая познанием истины, а не пользы; мудрые знают ответы и не ждут подсказки [1: с. 27]), Аристотель тем самым определяет философию как самое главное учение о жизни.

Философия — главное учение о жизни еще и потому, что дает самый ценный взгляд на нее, так как определяет *наилучшую цель* жизни, которой является *Благо* (посыл Платона). Таким образом, у Блага — объективная (всеобщая), а не субъективная природа, что делает философию хоть и умозрительным, интеллектуальным учением, но не абстрактным, отвлеченным, а ценностным, отвечающим на очень важный для человека вопрос «Зачем мир существует?».

Интересен мотив, выделяемый Аристотелем, который способствует появлению у человека любви к мудрости: «Удивление побуждает людей философствовать». Ведь за данным чувством стоит признание своего незнания, некоей пустоты, которую необходимо заполнить истиной, как об этом говорил еще Сократ. Для Аристотеля очень важно, что истина приходит только к тем, кто любит ее бескорыстно — ради нее самой. С Аристотеля начинается разработка **теории познания** (*греч.* «гносеология») — одна из основных философских дисциплин, востребованных в течение 2,5 тысяч лет, способствующая не просто правильному мышлению, а прежде всего нахождению истины.

И начинается процесс познания с поиска сущности явления или вещи. Это мысль о том, чтобы любое конкретное явление объяснять восхождением его причин к высшему бытию. Такая истина звучит очень убедительно в аудитории, даже школьной.

Серьезнейшая и труднейшая для современных философов онтологическая идея — телеологичность мира, то есть его целенаправленность в своем развитии к своему пределу, который есть Благо. Аристотель изящно иллюстрирует эту идею, ссылаясь на всем известный факт взросления ребенка, подчеркивая, что это не просто количественные изменения в нем, а качественное становление знатока (вспомним, что это человек, знающий причины) из учащегося, который пока еще просто набирается житейского опыта. Конечная цель для него как идеал развития, или предел, то есть Благо, уже существует в самом факте этого развития. Не достигая данного предела или хотя бы не устремляясь к нему, человек бессознательно нарушает законы бытия и своей собственной природы.

Аристотель рассуждает о требовании «точности» в философских рассуждениях. «Поэтому, рассуждает он, надо приучиться к тому, как воспринимать каждый предмет, ибо нелепо в одно и то же время искать и знание, и способ его усвоения» [1: с. 33]. Это замечание Аристотеля как раз по части так называемых «педагогических технологий». Они хороши для усвоения уже готовых знаний, но вот добывать их с помощью технологий, то есть «учиться удивлению», никак нельзя. А вот и иллюстрация того, как при описании вещи возникает истинное утверждение и приблизительное. Да, есть ее самое общее определение, данное в понятии, — например, дом. Есть набор материалов, из которых он возведен. Но ни то, ни другое не является сутью данного конкретного дома. Сутью же его является его назначение (цель, или энтелехия, или форма, по Аристотелю), например, данный дом — дворец, хижина или храм.

От Аристотеля нам остались его философские неологизмы. «Энтелехия», как и его же термин «энергия», определяет переход возможности, потенции

явления в действительность, актуальность. Причем, если «энергия» означает сам переход, то «энтелехия» (от *греч.* «теле» — цель) — конечный идеал этого перехода. Для определения души как сущности живого организма это очень важное начало рассуждений о человеке (работа «**О душе**»). Можно сказать, что Аристотель первым обозначил контуры будущей науки психологии. Для Аристотеля это универсальные философские категории, объясняющие сложную динамику постоянного взаимодействия материи и «формы». Отсюда должен начинаться любой поиск истины, и понимание природы человека, его души в том числе.

Понятно, что человек состоит из материи, как любая вещь. Но... это живая материя. И нужно поэтому дать определение жизни как таковой. Аристотель для этого использует свой «онтологический ключ», расшифровать который мы можем только благодаря новейшим открытиям в биологической науке о геноме организма. Его-то Аристотель и называет «душой». Она хранит «знание» («энтелехию»), то есть наследственную информацию о родовом назначении своего вида, и имеет механизм, отвечающий за свое собственное правильное становление в данной материи и развитие в конкретных условиях — «деятельность созерцания», или «энергию». Вот почему «знание» предшествует «созерцанию». Согласимся, что при такой интерпретации целостное понятие «души» становится не менее сущностным, чем научное определение генома через химическую формулу ДНК.

Аристотель дает перечень разных признаков живой материи. Самый общий и самый простой — способность расти (и размножаться отсюда) и способность ощущать у растений, у животных к ним прибавляется способность движения, у человека появляется четвертая фундаментальная способность — размышления. Естественно, что речь идет о трех разных видах живой души. Для проблем педагогических и социальных это разделение очень важно.

Спор между двумя крупнейшими философами античной Греции о природе души был гносеологический, они по-разному отвечали на вопрос, как человеку удастся правильно познавать мир. Это способность души, отвечал на него Аристотель, в ней-то и кроется смысл и цель человеческого организма, потому что жизнь возникла не случайно, а по законам Бытия.

Если пища объективно предшествует способности души расти в материи, то что же является «предметом» для такой способности души, как познание? Объективная форма существования информации, направленной на Благо! Она-то и есть «духовная пища» человека, питающая его разумную душу. Так об этом пишет Аристотель.

Аристотель разбирается с таким признаком души, как ум. Это совершенно особая способность, направленная не на материю, а на некие знания, не имеющие материальной природы. Ум есть суть (форма, смысл, цель) разумной души, существующий в двух формах: знания как такового (наверное, это память) и «деятельности созерцания», то есть мышления. Замечание о «чистой дощечке» ума позднее, в XVII в., неверно было понято как «*tabula rasa*» — мышление якобы начинает работать лишь при получении чувственных

ощущений (Дж. Локк). Аристотель, безусловно, подразумевал под этим другое, сравнивая деятельность ума со светом: как свет делает видимыми цвета, существующие без него лишь как возможность, так и ум, начиная действовать, становится причиной созидания видимого результата, воздействуя на материю энергией образа-идеала.

Аристотелем раскрываются различные свойства здорового ума: видение единства противоположностей, направленность на существо предмета, соединенность блага с чувством удовольствия, умение (от слова «ум», между прочим) порождать правильные представления, наличие развитого воображения, потребность в истине и добре.

Аристотель глубоко рассуждает о способностях души. Он вводит еще одну ее фундаментальную характеристику — такую, как воля. Воля есть преобразованные разумом стремление растительной души, желание животной и страсть неразумной. Как видим, волю Аристотель определял как неперенное свойство человеческой природы. Воля включается в дело тогда, когда ум размышляет о цели действия. У цели действия всегда есть предмет.

И вот здесь начинаются трудности. Воля всегда направлена к Благу. Но Благо может быть истинным, а может оказаться ложным. Как же в этом разобраться? Аристотель дает совет, верный на все времена! Надо обладать «чувством времени», то есть уметь прогнозировать последствия своих поступков в будущем, иметь такое воображение, которое бы стояло на охране Блага как закона бытия, а не своих собственных страстей.

Надо признаться, что за 2,5 тысячи лет эта способность мышления все еще не стала господствующей для Homo Sapiens, и это наводит на грустные мысли о том, что чего-то кардинального, в отличие от Аристотеля, мы о человеке до сих пор не знаем. Напрасно мы в философии, психологии и педагогике отказались от понятия души — ее ценностная природа, которую мы все вместе не замечаем, не имеет научного объяснения, а только «метафизическое».

Важную роль в воспитании масс Аристотель отводил искусству **риторики**, которая, по Аристотелю, относится к поэтике, то есть к «творческой философии». С его точки зрения, искусство как творчество есть одновременно и деятельность («технэ»), и умозрительное знание. Последнее особенно касается риторики, так как она представляет из себя воплощение в речи правильного мышления. С искусством же ее роднит стремление к прекрасному образцу, понимаемому Аристотелем как норма-идеал. Оратор силой своего мышления воздействует («технэ») на чувства собравшейся аудитории с тем, чтобы она приняла истинное, то есть правильное решение.

Каждый учитель или преподаватель является оратором. Не в смысле публичного деятеля, а в том смысле, что каждый из нас работает «в устном жанре»: воздействует на аудиторию словом и желает иметь на нее положительное влияние. И здесь предварительное замечание Аристотеля о трех причинах доверия к говорящему очень ценно, так как мы используем только первую, а именно — воздействуем на разум слушателей силой логики своего высказывания. И все!!!

Мы можем позволить себе явиться в класс в плохом настроении или в состоянии отчуждения от преподавательского процесса (это считается «высшим шиком» нашего профессионализма), а уж о том, что наша собственная мораль является условием доверия слушателей к излагаемому материалу, а значит, и его усвоения, мы и вовсе не задумываемся, хотя все великие педагоги об этом писали. И Аристотель среди первых. Думаю, что одна из причин низкой успеваемости наших детей в обучении скрыта именно здесь — они не доверяют нам и потому не слышат. И школьники, и студенты на столько формально относятся к образованию, на сколько мы формально относимся к своей работе.

Конечно, риторика — теория и искусство красноречия, очень важны в педагогическом процессе. Но не только. Риторика есть методология правильной речи так же, как диалектика есть методология правильной философской теории. Они подобны, так как и та, и другая опираются на методы построения правильного умозаключения: философия использует силлогизмы (*греч.* «дедуктивное умозаключение»), риторика — энтимемы (*греч.* «вывод»). Можно сказать, что в его системе риторика выполняет роль посредника между теоретической и практической философией. Вот почему Аристотель обращался к этой теме на протяжении всей своей творческой деятельности.

Если силлогизм есть реконструированная мысль, в которой выявлены все логические связи, то энтимема — это мышление вслух, когда ради ускорения обмена мыслями опускается то, что очевидно: или одна из посылок, или вывод, который формулируется уже самими слушателями. Силлогизмы, как правило, отчуждены от личности рассуждающего, энтимемы зачастую носят эмоциональный оттенок, свидетельствующий об отношении говорящего к проблеме. Это отношение, впрямую не высказанное, тем не менее имеет силу воздействия на аудиторию и помогает ей думать.

Судья беспристрастен, но суд присяжных заседателей (*греч.* «Ареопаг»), который и выносит вердикт, состоит из живых людей. К ним и обращает свою речь оратор. Аристотель через весь трактат проводит мысль о необходимости оратору служить прежде всего истине, но вовсе не искать симпатии собравшихся к себе любимому — такому талантливому и красноречивому.

Уже во времена античной демократии было разделение властей: законодательной, исполнительной и судебной. Аристотель как раз и предупреждает о недопустимости смешения разных функций, но точное исполнение каждой ветвью власти своей задачи. Иначе в обществе наступит неразбериха, непонимание правил общежития, что неминуемо приводит к социальной нестабильности. Ох, как нам это хорошо знакомо!

Наш философ обращает внимание на то, что сама способность логического мышления еще не есть признак добродетельного ума. Он становится таковым, только когда служит истине. И наоборот, истина и справедливость в устах говорящего быстрее достигают сердец слушателей.

Оценивать речь, основанную на знании, есть дело образования, считал Аристотель, а перед массами — это невозможная вещь. Но вполне реально

негативным страстям и чувствам толпы придать положительный характер... при условии выполнения законов риторики.

«Остроумие» (*букв.* «городская речь») — неперебиваемое греческое слово совмещает в себе значения «изысканный», «изысканный», «тонкий», «меткий», характеризуя речь развитого столичного жителя в противоположность речи отсталого сельского жителя.

Познание не просто приобретает — это особое познание. Метафора (*греч.* «перенос») как вид литературного тропа (*греч.* «оборот») разворачивает наш ум в неожиданную сторону, дает нам новую точку зрения на привычный предмет или явление, всегда **укрупняя их масштаб** в контексте единства мира. Это знание не прагматическое, а ценностное, духовное. И потому убедительное. Ведь «фора» — это побуждающий возглас «вперед!». У метафоры поэтому всегда есть скрытая возможность стремительного достижения познания, минуя логические ступеньки.

По Аристотелю, у наслаждения красноречием познавательные корни: остроумная фраза дает мгновенное и неожиданное озарение — максимум нового знания при минимуме затраченного времени.

Риторика, по определению, есть искусство манипулирования массами. Так было в Античности, так есть и сейчас. Необходимость риторики выводится Аристотелем из утверждения, согласно которому масса не способна постичь истину сама по себе, так как руководствуется мнениями, страстями, предпочитая правдоподобную ложь неправдоподобной истине. Однако в отличие от мыслительной эквилибристики софистов Аристотель вводит ценностный аспект в искусство оратора или педагога и призывает его, как и философа, служить истине. Но в отличие от философа, который ее созерцает, оратор ее **внушает** и потому должен идти общедоступным путем, то есть одевать истину в пестрые одежды видимости, апеллируя не к разуму собравшихся людей, а к их чувствам.

Оценивать речь, основанную на знании, есть дело образования, считал Аристотель, а перед массами — это невозможная вещь. Но вполне реально негативным страстям и чувствам толпы придать положительный характер... при условии выполнения законов риторики. Это есть искусство воздействия, соединяющее в себе нравственную позицию говорящего, обращение к чувствам публики, отзывчивой на добро, и только в третью очередь, умение вслух правильно мыслить. Аристотель подчеркивает, что риторика возникает не на пустом месте (от желания поговорить), не на почве всем известных истин, не требующих доказательства (это называется демагогией), а там, где существует реальная проблема, фиксирующая множество противоречивых возможностей ее разрешения. Недаром русское «решение» по-гречески звучит как «кризис» — некая видимая точка перелома изменения ситуации.

Чтобы воздействовать на чувства, надо их хорошо знать. По сути, «Риторика» Аристотеля есть первая научная классификация деятельности разумной души. Аристотель начал исследовать человеческие страсти с гнева. По всей видимости, это бурное проявление чувств в ответ на несправедливость в античности было

обычным делом, когда никому и в голову не приходило сдерживать свой гнев, считая его естественным чувством. Недаром вся античная трагедия построена на противостоянии «справедливого гнева» героя и «справедливого гнева» богов.

Наверное, Аристотель первый связал гордость человека с комплексом неполноценности, провоцирующим гнев. Правда, во времена античности гордость была положительной характеристикой человека, если при этом соблюдалась разумная мера ее проявления. Понятие гордыни, да и гнева, как смертных грехов человека, появилось только в эпоху христианства. Нам, прожившим в христианстве уже 2000 лет, до сих пор поучительно читать эти наблюдения Аристотеля.

Античная и вообще древняя культура рассматривала чувство страха как признак нарушения человеком онтологических законов бытия, Космоса, за что тот карал его смертью. И страх, и смелость Аристотель одинаково связывает с надеждой. Наверное, чтобы противостоять страху смерти, надежда тоже должна иметь онтологическое происхождение — источник, откуда черпаются силы жизни.

Милость понимается Аристотелем не как активная жизненная позиция милосердия (так мы сегодня понимаем милость), а просто как мирное состояние покоя, противоположное гневу, и потому редкое и нестойкое.

Аристотель показывает также черты *хорошего* человека, любить которого так естественно. И в наше время этот портрет узнаваем и вызывает в нас симпатию. Но насколько же эти поучения Аристотеля о любви отличаются от поучений о любви апостола Павла! Между ними всего 300 лет. Что же изменилось кардинального в ощущениях людей? Аристотель пишет о внешних проявлениях любви среди себе подобных, и другой любви он не знал. Апостол Павел пишет о внутреннем напряжении чувства любви человека к миру и ко всем без исключения людям, основная характеристика которой — бескорыстие.

В «Словаре литературоведческих терминов», изданном издательством «Просвещение» в 1974 г., риторика, кроме исторической дефиниции, определяется также и в оценочном аспекте как «осуждающее определение напыщенного, внешне красивого, но малосодержательного произведения, речи» (с. 324), а в «Кратком словаре литературоведческих терминов» для учащихся, изданном тем же издательством в 1985 г., этого слова нет вообще. Сегодня изданы учебники по «Риторике», созданы учебные программы по этому предмету: политическая деятельность действительно требует красноречия. Вот только создается впечатление, что мы в этом деле опустились до софистики и демагогии и уже забыли, не успев развить, учение Аристотеля о нравственно ориентированной риторике.

Особыми воспитательными функциями наделял Аристотель искусство, причем разные его виды играли различную воспитательную задачу. Так, трагедия (или драма как род искусства) имела особую функцию «очищения» (*греч.* «катарсис») человеческих аффектов во время эмоционального переживания публикой трагической судьбы героев. Речь шла о функции, необходимой для всего полиса, то есть для всего взрослого населения, посещающего театр — зрелище демократическое, куда приходили как «благородные» граждане, так и ремесленники, наемные рабочие. Античная трагедия была

«детищем толпы, демоса» в полном смысле этого слова. В своей «очищающей» роли она выступала как одно из важнейших орудий социальной интеграции.

Однако трагедия не выполняла более высокие, с точки зрения Аристотеля, задачи общественного воспитания, связанные с качественным формированием личности свободнорожденных граждан и заполнением их досуга. К таким видам искусства относились прежде всего музыка, затем пластические искусства. В них задача воспитания, по Аристотелю, заключалась в культивировании аффектов будущих граждан, в том, чтобы научить их «правильно» страдать и «правильно» радоваться, как это отвечает требованиям высокой нравственности. Так Аристотель этику связал с эстетикой, когда хорошо воспитанный человек подобен эстетически развитому человеку, у которого зрение и слух настроены только на восприятие прекрасного в жизни.

Этика и политика, по классификации Аристотеля, относятся к практической философии. Они образуют единый комплекс «философии о человеческом», занимающейся сферой деятельности человека в обществе. Если этика имеет дело с правильной нормой, то основной задачей политики государства является воспитание граждан в нравственной добродетели. Эти проблемы Аристотель особенно интенсивно разрабатывал как альтернативу утопии Платона об идеальном государстве в последние годы своей жизни в контексте социальной реальности, складывающейся на глазах греческой империи, совмещающей в себе демократию и рабство. Важно было говорить о государственном престиже добродетельных граждан. Не послушных, а именно добродетельных. В добродетелях можно и нужно было соревноваться жителям античной Греции.

Трактат «Политика», в отличие от других трудов философа, не был широко известен в Европе вплоть до эпохи Возрождения, так как оказался единственным произведением, не переведенным на арабский язык, что сыграл роль посредника между греческим и латинским. Зато трактат Аристотеля «Никомахова этика», написанный им незадолго до смерти и посвященный памяти рано умершего сына, можно считать философским завещанием древнегреческого мудреца.

Подлинные сочинения Аристотеля распадаются на три класса: опубликованные при жизни, литературно обработанные диалоги; собрания материалов и выписок, служащих эмпирической базой для размышлений, на которые ссылались современники и ученики Аристотеля; и собственно научные трактаты философа, ставшие доступными для прочтения только в I в. до н. э., когда римский император Сулла, захватив Афины, присвоил себе библиотеку ученого и привез ее в столицу.

Первые два класса утрачены навсегда, а известные и дошедшие до нас сочинения Аристотеля восходят к своду сохранившихся византийских рукописей, переведенных в VI веке на латинский и персидский (пехлеви) языки. В IX в. сочинения Аристотеля переводятся на арабский язык. Тогда же в Багдаде возникает философская академия (Дом мудрости), основанная на комментировании текстов Аристотеля. С XI в. Испания стала местом встречи арабской и латинской культур

и передачи латинскому Западу бережно хранимого арабами наследия античного философа. С этого времени сочинения Аристотеля обрели новую жизнь в Европе, здесь зародилась научная традиция их изучения, а его «философия о человеческом» («философ про гуманос») вошла составной частью в разработку философии гуманизма эпохи Возрождения.

Литература

1. *Аристотель*. (Антология гуманной педагогики). М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 2004. 222 с.
2. *Давыдов Ю.Н.* Искусство как социологический феномен: К характеристике эстетико-политических взглядов Платона и Аристотеля. М.: Наука, 1968. 284 с.
3. *Юммель Ш.* Аристотель // Мыслители образования. Т. 1. № 1–2. М., 1994. С. 85–86.

Literatura

1. *Aristotel'.* (Antologiya gumannoj pedagogiki). М.: Изд. Дом Шалвы' Амонашвили, 2004. 222 с.
2. *Davy'dov Yu.N.* Iskusstvo kak sociologicheskij fenomen: K karakteristike e'stetiko-politicheskix vzglyadov Platona i Aristotelya. М.: Nauka, 1968. 284 с.
3. *Yummel' Sh.* Aristotel' // My'sliteli obrazovaniya. Т. 1. № 1–2. М., 1994. С. 85–86.

I.A. Birich

Pedagogical Potential of the Texts of Aristotle

It is always difficult from a high theory, especially «metaphysics», that is, philosophy that goes beyond nature to the universal primordia of being, to descend into the valley where concrete people live and interact. If the laws of the cosmos, according to ancient tradition, are permeated with Beauty and Reason, then this can not be said about the human world. However, for the philosophers of ancient Greece this fact was not scary. On the contrary, they were convinced that, having learned the universal laws of being, people would gladly turn to their fulfillment and find the desired happiness. Aristotle is among them, so let's try to understand the sources of his optimism.

Keywords: philosophy as a true knowledge of life; philosopher as a teacher; the goal of life is the common good; entelechy; the nature of the soul and mind.